

В самых глубинах Восточного моря исполинский кит внезапно разинул пасть и проглотил затерявшееся среди бурных волн крошечное суденышко.

На борту находился не кто иной, как Лин Сы — тот самый человек, которого тщетно разыскивал весь мир заклинателей и чей след затерялся в Восточном море. Защищенная чарами водных демонов, лодка безвредно скользнула в чрево морского чудовища. Миновав лабиринт извилистых водных протоков — путь занял не больше четверти часа, — она причалила к берегу скрытой от чужих глаз тихой обители.

С виду это место мало отличалось от обычного прибрежного поселка: всего около сотни жителей, простая легкая одежда, босые ноги. Люди занимались самым привычным крестьянским трудом — сушили морскую капусту, выпаривали соль. И хотя сюда не проникал солнечный свет, жизнь здесь текла по заведенному природой кругу, подчиняясь смене дня и ночи.

Необычным был лишь их облик. На коже проступала едва заметная чешуя, переливаясь всеми цветами радуги. У одних ноги срослись, заставляя их передвигаться подобно змеям; у других на лицах все еще угадывались черты водных тварей — жабры не исчезли до конца, а пальцы заменяли плавники. Впрочем, приноровившись, они прекрасно справлялись с домашними делами.

Здесь, под водой, и обосновалось племя водных демонов лоцин.

Божественная дева только что вернулась с сельчанами с побережья. Заметив Лин Сы, она неторопливо направилась к нему. Ее плавник при соприкосновении с телом мужчины обратился в изящную женскую руку. Мягко улыбнувшись, она произнесла:

— Глава секты Лин, вы проделали нелегкий путь. Пойдемте в дом, нужно обработать ваши раны.

— Пустяки, царапина, — отозвался Лин Сы. На его лице не отразилось почти ничего, лишь в глазах на мгновение промелькнула настороженность. Подавив роящиеся в голове вопросы, он оперся на предложенную руку Божественной девы и сошел на берег. — Я безмерно благодарен вам, госпожа, за помощь. Без вашего вмешательства мне бы не спастись.

— Вы — благодетель нашего племени, — с улыбкой кивнула дева. — Мы не могли бросить вас на произвол судьбы.

— А Цзян Нин?... — спросил Лин Сы.

— Девушка уже пришла в себя, — ответила его спутница, указывая дорогу. — Она ждала вас несколько дней. Наконец-то семья воссоединится.

Деревушка была крошечной. Местные жители не знали разбоев, не запирали на ночь двери и вели тихую, уединенную жизнь. Сложно было поверить, что этот умиротворенный уголок стал эпицентром надвигающейся бури, к которому прикованы взоры всех водных демонов, а прекрасная женщина, несущая сейчас корзину с водорослями, — могущественная Божественная дева, владеющая тайным искусством переселения душ.

Она и была виновницей всего происходящего.

Настоящее имя Божественной девы было Люсу. О ее фамилии никто не смел спрашивать, да и сама она никогда о ней не упоминала. Когда-то она вернулась в племя лоцин полурыбой-получеловеком, поэтому никто не усомнился в ее происхождении. Из своих странствий она принесла древние знания о тайнах мира и невиданное могущество. Люсу бескорыстно помогала каждому сородичу, независимо от его положения, чем заслужила всеобщую преданность и была возведена на божественный пьедестал.

И все же Лин Сы не покидало смутное подозрение. Эта женщина знала о мире смертных слишком много — ее познания казались поистине безграничными. Трудно было представить, что подобные качества могли развиться у затворницы, всю жизнь скрывавшейся в морских глубинах. Где именно она скиталась и кто наставил ее на этот путь, оставалось загадкой.

Но даже если у нее и были тайные умыслы, до сих пор все ее действия вели исключительно к возрождению племени водных демонов. Но эта кристальная честность и открытость лишь укрепляли подозрения Лин Сы.

Он не доверял ей до конца.

— Отец! — Цзян Нин, поливавшая цветы во дворе, при виде вошедших бросила лейку и бросилась к Лин Сы, крепко обняв его за руку. — Отец, ты цел? С тобой все в порядке?

Лин Сы замер как вкопанный. Он всматривался в ее лицо и не мог вымолвить ни слова.

Понимающе улыбнувшись, Люсу затворила калитку и мягко подтолкнула их к дому:

— Сбросив оковы смертной плоти, молодая госпожа окончательно приняла демоническую суть. Теперь она как две капли воды похожа на свою мать. Неудивительно, что вы так поражены, глава секты Лин.

Лин Сы невольно протянул руку. В этот миг перед его глазами поплыло: он словно снова видел Цзян Сюэмэй. Когда-то она точно так же носила простую крестьянскую одежду, занималась нехитрым хозяйством и весело, беззаботно смеялась. Те счастливые дни навсегда запечатлелись в его памяти. Но прошлое не вернуть, и девушка перед ним была лишь ее тенью.

Будь жива настоящая Цзян Сюэмэй, ее взгляд сейчас горел бы лишь лютой ненавистью.

Подавив вздох, Лин Сы ласково погладил дочь по голове и с грустной улыбкой произнес:

— Отец в порядке, вернулся целым и невредимым. А ты, А-Нин, и правда невероятно похожа на маму.

— Раз ты так говоришь, значит, очень тоскуешь по ней, — тихо отозвалась Цзян Нин.

Девушка заботливо перевязала раны отца, и после недолгих расспросов о его здоровье Лин Сы мягко сказал:

— А-Нин, иди полей цветы, а нам с госпожой нужно обсудить важные дела.

Спасенная жизнь дочери принесла Лин Сы облегчение, но тревога не отпускала его. Едва Цзян Нин вышла, он без лишних предисловий спросил:

— Госпожа Люсу, столкновения между нашими народами вспыхивают не только у побережья Восточного моря. Беспорядки в других землях — тоже ваших рук дело?

— Мы ведь обсуждали это, — невозмутимо ответила дева. — Разумеется, это спланировала я.

Лин Сы нахмурился:

— Да, мы договаривались поднять восстание, но только после того, как все завершится. Сейчас обстановка накалилась до предела на полгода раньше запланированного срока. К чему такая спешка?

— Никакой спешки нет.

— Неужели божество Ло вскоре возродится?

— Честно говоря, период изоляции Восточного моря рассчитан на то, чтобы дать великому Ло достаточно времени, — призналась Люсу. — Его останки все еще сокрыты под печатью в Городе Вечности, так что это произойдет не сразу.

— Тогда зачем раскрывать карты раньше времени? — недоумевал Лин Сы. — Сейчас у нашего воинства нет сил тягаться с заносчивыми орденами смертных. Дворец Небесного Предела и Секта Освобождения из Ада сильны как никогда, их приспешники многочисленны. Зачем бросать демонов на верную гибель и истощать наши силы? Вы не боитесь, что весь замысел рухнет?

— Глава секты Лин, скажу прямо, — холодно парировала Люсу. — Те, кто сейчас гибнет под

ударами заклинателей на суше, — ваши злейшие враги. Их гибель вам только на руку. Ослабив ордены смертных, вы облегчите себе путь к власти. В этой бойне вы при любом исходе окажетесь в выигрыше. Отчего же вдруг вы за них распереживались?

— Именно поэтому я и пытаюсь понять ваши мотивы, — Лин Сы пристально посмотрел на нее. — От подобной междоусобицы водным племенам не будет никакой пользы, а ведь вы, насколько мне известно, радуете за наше возрождение. — Он сделал паузу и добавил: — Перед уходом я узнал, что архипелаг Разбитой Луны полностью закрыл свои торговые пути. Такой шаг непременно заставит великие школы удвоить бдительность. Нам остался последний шаг, и если мы спугнем добычу...

— Как раз ради того, чтобы отвести глаза, я и пошла на это, — спокойно возразила Люсу. — Мы заставим их распылить силы, отражая набеги по всем границам, и выиграем драгоценное время для пробуждения души великого Ло. Только так мы сможем гарантировать победу в Городе Вечности. Или вы думаете, я перекрыла море ради забавы?

Лин Сы все еще сомневался. Люсу усмехнулась:

— Вы сами рассказывали мне, как грозен Бессмертный Тайбай. И при этом умудрились ускользнуть прямо у него из-под носа. Не находите это странным? Вы скрывались больше месяца, другие ордены прочесали все побережье, а Дворец Небесного Предела даже пальцем не пошевелил. Неужели предводители мира заклинателей настолько беспомощны, что не смогли выследить одного беглеца? Разумеется, нет.

— Я тоже думал об этом, — помрачнел Лин Сы. — Похоже, меня просто использовали как наживку.

— Рискую выдать наше убежище, я вытащила вас из ловушки, но теперь мы обязаны принять меры, — строго произнесла Божественная дева. — Море закрыто для чужаков самой судьбой, а все прочие лазейки, через которые сюда могли проникнуть враги, я запечатала. И дело не только в архипелаге Разбитой Луны. Наше воинство затаилось на дне, но с возможностями Дворца Небесного Предела они рано или поздно почуют неладное. Нам нужно продержаться как можно дольше. Чем больше времени мы выиграем, тем вернее будет победа в Городе Вечности.

— Кое-чего я все же не понимаю, — заговорил Лин Сы. — Юй Уцюэ — единственный уцелевший наследник Города Бессмертия. Если мы заберем ключ, сокрытый в его теле, разве нам не станет гораздо проще проникнуть туда? Возможно, это помогло бы быстрее снять печати...

— Забудьте о нем, — отрезала Люсу.

— Но если оставить мальчишку в покое, его может убить кто-то другой и забрать ключ. Что тогда?

— Полагаю, Бессмертный Тайвэй в силах защитить своего ученика, — загадочно улыбнулась дева.

Короткая схватка с Хэ Бугуем произвела на нее глубокое впечатление. Ей не хотелось снова сталкиваться с ним лицом к лицу, но в сложившихся обстоятельствах он был лучшим щитом для мальчишки.

— Пусть оберегает его, — продолжила Люсу. — В разгоревшемся хаосе у Юй Уцюэ будет шанс выжить. А когда придет время, я сама вскрою ему грудную клетку и навсегда избавлюсь от этой угрозы.

— Но даже если случится непредвиденное и кто-то лишит его жизни, беды не будет, — пробормотала она, точно разговаривая сама с собой. — Ключ нужен вовсе не для того, чтобы просто отворить ворота. Если кто-то осмелится проникнуть в город раньше меня — вот тогда мир познает истинный хаос. Только свергнув наследие Цзи Сюаня, он сможет по-настоящему вернуться.

Дворец Духовной Оси

— Отпускать вас двоих одних — чистое безумие, — качая головой, сокрушался Бай Инчи. — Поверив твоим доводам, я позволил Лин Сы уйти. Знай я наперед, что ты задумал, велел бы немедленно схватить этого мерзавца и выбить из него всю правду под пытками.

— Старший брат, изловить его — дело нехитрое, — мягко возразил Хэ Бугуй, полулежа на изящной кушетке и неторопливо потягивая превосходный чай из запасов брата. — Но разве человек, с легкостью отрекшийся от всего на свете, станет давать признания под пытками? Нет. Кроме того, дерзость водных демонов и хладнокровие Лин Сы говорят о том, что за их спинами зреет куда более злое заговора. Я охотно верю, что Божественная дева стремится возродить великое божество и вернуть былую славу своему племени, но это лишь вершина айсберга.

Бай Инчи пристально посмотрел на младшего брата. Он понимал: тот все для себя решил и пришел лишь поставить перед фактом. Отговаривать его было бесполезно.

— И ты так слепо веришь словам Я Ин? — спросил глава дворца.

— Отчего же нет? — парировал Хэ Бугуй. — Помнишь, какая кровная вражда их связывает? И все же она сдержала себя и пальцем не тронула Лин Лань. В свое время она пошла против воли Секты Освобождения из Ада ради спасения Юй Уцюэ. Если бы Храм Кровавой Бездны и Лин Сы не истребили почти все ее племя, она ни за что не приползла бы ко мне с мольбами о помощи.

— Однако Зал Яростных Ласточек теперь открыто выступает против нас, — заметил Бай Инчи.

— Если вдуматься, это вполне объяснимо, — рассудил Хэ Бугуй. — Вражда между людьми и демонами длится веками. В сердце Я Ин горит законная обида, и направлена она не только против Лин Сы или Храма Кровавой Бездны. Ее закляние — дело чести для всего демонического рода. Но то, что ее люди уступили мне дорогу, доказывает: Я Ин умеет разделять личные счета и долг. Она не склонна менять союзников как перчатки.

— Торговые пути на архипелаг Разбитой Луны заблокированы, — со вздохом произнес Бай Инчи. — Они не пропустят никого, кроме своих сородичей. О том, чтобы проплыть туда на корабле, и речи быть не может.

— Пока не иссякло теплое течение, способ всегда найдется, — уверенно ответил Хэ Бугуй. — Мы с Уцюэ отправимся в Город Тысячи Журавлей под предлогом закупки товаров, а заодно возьмем с собой надежных людей для укрепления рубежей. Божественная дева не случайно выбрала этот полугодовой срок изоляции моря. Значит, у нас есть ровно шесть месяцев, чтобы докопаться до истины. Они ждут удара с востока, а мы обойдем их с запада. Так мы не привлечем лишнего внимания.

— И все же брать с собой Юй Уцюэ крайне опасно, — покачал головой глава дворца. — Ты сам говорил, что эта Божественная дева слишком много знает о Городе Бессмертия и сразу распознала в нем ключ. Если вы двое сунетесь в логово врага под чужими личинами и попадетесь к ней в руки...

— Брат, подумай сам, — возразил Хэ Бугуй. — Во-первых, они пренебрегли легким путем и оставили Уцюэ в покое. Во-вторых, если бы я не вмешался, в Обители Безмерности его ждала бы верная гибель. О чем это говорит?

— Жизнь мальчишки мало волнует эту женщину, — нахмурился Бай Инчи.

— Именно. Ключ от Города Бессмертия ей безразличен, а значит, у нее на этот город совершенно иные планы, — заключил Хэ Бугуй. — Замыслы куда более масштабные, чем простое отпирание ворот. И я обязан выяснить, в чем они заключаются. Кроме того, сейчас начнется смута. Тебе придется остаться во дворце, чтобы держать узду правления и гасить вспышки мятежей. Демоны наивно полагают, будто могут сокрушить людей, но среди заклинателей наверняка найдутся стервятники, желающие половить рыбку в мутной воде.

— Как ни крути, а ты все равно поступишь по-своему, — сокрушенно вздохнул Бай Инчи. — Мои уговоры для тебя пустое место.

— Пустое, — чистосердечно признался Хэ Бугуй. — Запретишь мне идти — значит, не веришь в мои силы и считаешь меня никчемным калекой.

— Да ничего подобного! — вскинулся Бай Инчи.

— Раз так, то не чини препятствий, — прибегнул к излюбленной уловке младший брат. — К чему лишние споры? Неужели я не в состоянии справиться с обычным плаванием без твоей опеки?

Бай Инчи понял, что разбит наголову, и поднял руки вверх:

— Ладно, ладно, сдаюсь. Ступай. Я подготовлю для вас лучших людей и отправлю их в Город Тысячи Журавлей под твое начало. Но с этого момента вы с Уцюэ обязаны сообщать мне о каждом своем шаге. Договорились? Больше я докучать тебе не стану.

Хэ Бугуй выудил из вазочки засахаренный каштан и бесцеремонно запихнул его старшему брату в рот, довольно прищурившись:

— Вот это другой разговор.

— Эх, Сяо Си, — ласково коснувшись кончика носа брата, со вздохом произнес Бай Инчи. — В твоём мастерстве я не сомневаюсь. Но в быту ты совершенно беспомощен и капризен. Опять ведь забудешь про еду и сон, совсем изведешь себя.

— Не беспокойтесь, глава дворца, пока я рядом, наставник не пропадет, — раздался веселый голос от дверей. — Мое почтение, Бессмертный Тайбай! Я пришел забрать своего наставника.

Хэ Бугуй недовольно зыркнул в его сторону:

— И кто тебя просил приходить?

Однако при этом он не торопясь поднялся с кушетки, всем своим видом показывая, что действительно готов уходить.

Бай Инчи попытался удержать его за рукав:

— Остайся на обед. Скоро Чан Юньцин и остальные подойдут. Уцюэ, ты тоже оставайся, поедим все вместе.

Хэ Бугуй стал совершенно бесстрастным, но Юй Уцюэ слишком хорошо знал своего учителя: тот терпеть не мог подобные застолья. Спасая положение, юноша поспешно заговорил:

— Благодарим за приглашение, глава дворца, но в другой раз. Дома обед уже готов, нужно только разогреть. Пока мы были в дороге, наставник так соскучился по домашней кухне, что я приготовил его любимые блюда, чтобы порадовать.

Бай Инчи перевел взгляд на брата. Тот согласно кивнул:

— Да, именно так.

Настаивать далее было неудобно. Провожая ученика и учителя до ворот, Бай Инчи с некоторой грустью наблюдал, как Юй Уцюэ семенит рядом с Хэ Бугуем. Тот то и дело беззлобно щипал юношу за ухо или щеку, но негодник лишь шире улыбался в ответ.

Хэ Бугуй мог сколько угодно ворчать на назойливость ученика, но стоило тому позвать — и он послушно шел следом, а его взгляд при этом теплел. Никакого раздражения там не было и в помине, лишь тихая, глубокая привязанность.

Бай Инчи тяжело вздохнул, чувствуя, как в груди закипает глухая ревность. Младший брат, которого он бережно растил и лелеял, теперь без оглядки уходил за этим несносным мальчишкой, даже не пожелав разделить с ним трапезу.

Какая досада.

Оба прекрасно понимали, что следующее их путешествие станет прыжком в пасть тигра. Юй Уцюэ за месяц передышки не позволял себе расслабиться ни на день.

Во-первых, прошлая вылазка наглядно показала, насколько он слаб и как сильно обременяет своего наставника. От этой мысли юношу грызло чувство вины. Во-вторых, в его душе крепло неосознанное желание поскорее возмужать, чтобы разделить ношу Хэ Бугуя и стать для него надежной опорой.

Увидев на горе Безмерности минутную слабость этого сильного человека, Юй Уцюэ загорелся непреодолимым стремлением защитить его. Превзойти наставника в силе и мастерстве — только так он мог гарантировать, что в моменты уязвимости Хэ Бугуй сможет безбоязненно опереться на его плечо.

Эта мысль стала для него мощнейшим стимулом. Юноша тренировался не щадя сил, забывая о еде и сне.

Всего за один месяц он совершил колоссальный рывок: владение мечом, духовные практики, построение защитных контуров и искусство создания марионеток вышли на совершенно новый уровень.

Прежде в учебных поединках Хэ Бугуй разбивал его защиту в пух и прах, а от неуклюжих движений ученика порой так выходил из себя, что швырял деревянный меч на землю и уходил прочь. Теперь же наставник подолгу наблюдал за его тренировками и порой сам вступал с ним

в бой, задерживаясь на четыре-пять схваток. Одолеть учителя Уцюэ все еще не мог, но держать удар научился отменно.

Хэ Бугуй больше не бросал в сердцах оружие. Руки юноши покрылись плотными мозолями, а тренировочные манекены в его дворе ломались один за другим.

Наставник редко хвалил его вслух, но втайне заботился: велел слугам готовить целебные ванночки для рук, ворча, что пальцы мастера марионеток — самый ценный его инструмент и негоже стирать их до крови на тренировках. Кроме того, он собственноручно создал для него несколько новых усложненных манекенов, заточенных под самые изысканные стили фехтования.

В Обитель Радости вернулся привычный гул заучиваемых текстов. Куньянь по-прежнему не упускал случая огреть ученика бамбуковой тростью за ошибки, но сквозь ворчание все чаще прорывалась искренняя похвала. Кунчжи, вечно подслушивающий у дверей, тут же бежал докладывать об успехах юноши Хэ Бугуя. Тот лишь молча улыбался, а на следующий день давал Уцюэ еще более сложные трактаты.

Книги становились все мудренее, но и суровый вид наставника смягчался с каждым днем.

Начитавшись древних притч о безумных правителях, жертвовавших царствами ради одной лишь улыбки прекрасных дев, Юй Уцюэ ловил себя на греховной мысли: он прекрасно понимал этих безумцев. Ради того, чтобы увидеть редкую, мягкую улыбку Хэ Бугуя, он готов был трудиться до полного изнеможения.

Так незаметно пролетел месяц.

В тот день снегопад наконец прекратился. Горы, окружавшие Дворец Небесного Предела, облачились в пышные белые одеяния, и с высоты парящих островов долина казалась чистейшим ледяным царством.

Хэ Бугуй спозаранку взошел на борт летучего корабля. Поглядывая, как Кунчжи руководит погрузкой припасов, он лениво любовался зимними пейзажами.

Юй Уцюэ, закинув за плечо дорожный мешок, спешил к причалу. Его фигура стремительно приближалась, пока наконец не превратилась в улыбающееся лицо, сияющее от восторга при виде наставника:

— Простите, наставник, заставил вас ждать!

Хэ Бугуй, облокотившись о борт, смерил его прохладным взглядом:

— Вечно ты копаешься.

— Вы забыли взять свои снадобья, — Уцюэ ловко бросил сверток Кунчжи и вдруг удивленно округлил глаза: — Ой, наставник, спуститесь-ка на палубу.

— Не хочу, мне лень двигаться, — отозвался Хэ Бугуй.

Но юноша настаивал с таким видом, будто совершил величайшее открытие века:

— Мне кажется, я наконец перерос вас!

Хэ Бугуй окинул его взглядом с ног до головы:

— Что-то не замечаю.

— Не верите? Сейчас проверим!

Юноша легко взлетел на борт. Тяжелый черный плащ из лисьего меха ничуть не сковывал его ловких движений. Он твердо приземлился рядом с Хэ Бугуем, расправил плечи и, чтобы сравнение вышло наглядным, упрямо притянул наставника к себе за плечи. Со стороны это объятие выглядело слишком интимным, почти нежным.

— Смотрите, учитель, я действительно стал выше.

К груди Хэ Бугуя прижалось крепкое юношеское тело. Уцюэ не любил благовония, но его одежда сохранила тонкий аромат лотосов из Сада Летнего Дожда. От быстрого бега парень разгорячился, и это живое тепло, скопившееся под меховым плащом, внезапно окутало Хэ Бугуя. Опешив от столь бесцеремонного объятия и почувствовав на своем лице его горячее дыхание, наставник на мгновение растерялся.

Это замешательство пугало — близость между ними стала опасно двусмысленной. Слегка высвобождаясь, Хэ Бугуй строго проговорил:

— Тебе всего семнадцать, расти в этом возрасте — самое обычное дело. И прекрати меня тискать.

Юй Уцюэ лишь слегка ослабил хватку, но рук так и не разомкнул, продолжая удерживать наставника в кольце объятий. Ему вовсе не хотелось отпускать его.

Он и сам не понимал, что с ним происходит в последнее время. Возможно, потрясение на горе Безмерности пошатнуло его внутренний покой, но теперь при каждой встрече с Хэ Бугуем у

него чесались руки — так хотелось прикоснуться к этому человеку. Обычно наставник сердито отчитывал его за дерзость, но это лишь раззадоривало юношу. Ему хотелось вести себя еще более непочтительно. Чем сильнее ворчал учитель, тем слаще замирало сердце Уцюэ, так что он уже всерьез сомневался в собственной нормальности.

Иногда Хэ Бугуй не сопротивлялся легким касаниям и просто молчал. Это безмолвие дарило юноше смелость: если за обычное прикосновение его не отругали, значит, можно взять за руку, сжать пальцы крепче, а там и обнять... Он наглел до тех пор, пока наставник наконец не начинал по-настоящему злиться, после чего круг замыкался.

После нескольких таких проверок Уцюэ окончательно убедился, что с ним творится что-то неладное.

Но это работало безотказно. Сердитый ли, растерянный или безвольно поддающийся его воле Хэ Бугуй казался ему невероятно милым. Юй Уцюэ не мог понять, почему раньше грозный Истинный человек Чансы никогда не вызывал у него подобных чувств, а теперь это слово — «милый» — никак не шло из головы.

Заметив, что ученик погрузился в свои мысли, Хэ Бугуй легонько щелкнул его по лбу:

— Юй Уцюэ, ты в последнее время совсем от рук отбился. Что с тобой такое?

— Ваш ученик усердно трудился днями и ночами, — весело отозвался тот, возвращаясь к реальности. — Когда бы я успел отбиться? Просто радуюсь, что подрос.

— И от этого у тебя так колотится сердце?

Юй Уцюэ на миг запнулся:

— Я... просто бежал быстро.

— И лицо у тебя пылает. Неужели эти несколько шагов так тебя утомили?

Юноша сперва мотнул головой, затем согласно кивнул и невпопад брякнул:

— Мне просто очень радостно.

— Сравнил — теперь отпусти, от тебя жаром пышет, — проворчал Хэ Бугуй, мягко упершись ладонью в его грудь и наконец выбираясь из удушающе теплого плена.

Он решил про себя, что бурная радость ученика вызвана предстоящим путешествием. Ведь они

плыли в Город Тысячи Журавлей — место, славящееся своими диковинками и редкими товарами со всего света. Неудивительно, что мальчишка вне себя от восторга.

Отойдя к борту, Хэ Бугуй вновь принялся созерцать заснеженные вершины. Уцюэ немедленно пристроился рядом, продолжая докучать разговорами:

— Вы все такой же худой, наставник. Нам нужно получше питаться в дороге, я твердо решил вас откормить.

— Я всегда был таким, — отрезал Хэ Бугуй.

— Это никуда не годится. Излишняя худоба лишает сил, так и заболеть недолго, — Юй Уцюэ заботливо поправил на плечах наставника тяжелый плащ и вложил ему в руки теплую грелку, рассуждая как заботливая нянька. — Раньше вы были совсем один, но теперь у вас есть я. О вашем здоровье нужно заботиться как следует, даже в путешествии. Я обязательно заставлю вас прибавить в весе.

— И кто тебя просил обо мне заботиться? Займись делом и не приставай ко мне, — проворчал Хэ Бугуй. Эти речи показались ему подозрительно нежными, и, почувствовав неловкость, он поспешил уйти в каюту.

Оставшись на палубе, Юй Уцюэ тоже ощутил легкое смущение от собственной смелости. Чтобы отвлечься, он повернулся к Кунчжи:

— Готовьте корабль к отплытию. Как дела на остальных судах?

— Все летучие корабли приняли на борт учеников и ждут вашей команды, — почтительно доложил слуга.

— Тогда отплываем! — махнул рукой Юй Уцюэ. — Держать курс на Город Тысячи Журавлей!

<http://bllate.org/book/20165/2232978>